

Бриллианты Шалыпина

Раб. трибуна. — 1990. — 9 сент.

СПРАШИВАЕТСЯ: кому потребовались шалыпинские костюмы и для чего? Не всплывут ли они через какое-то время на каком-либо западном аукционе?

— Вполне возможно, — согласился я.

— Ну а вот копия письма Федора Федоровича министру культуры Захарову:

«Многоуважаемый Василий Георгиевич! Наконец мне сообщили Ваше имя и отчество и в перерыве между работами пишу Вам ответ на Ваше письмо. Вы достаточно обо всем знаете — как Вы пишете — из писем, которые Вы прочли, так что мне повторяться не нужно.

Я сожалею, что не присутствовал на открытии музея, и, с другой стороны, не сожалею, ибо подозреваю, что деятели музея Глинки создали свою фальшивую обстановку в доме...

Последние сведения о Савченко мне привезла сестра моя Татьяна. Когда сестра делала замечания: «Это колечко не от костюма отца», Савченко ответила: «Нет, от костюма!» «Столов в зале никогда не было, тут шли репетиции». Савченко говорит в ответ: «Стол стоял, а репетиции шли в гостиной!». «Вы выставили фальшивый костюм Федора Ивановича в «Дон Кихоте!»! Некоторое время она утверждала свое, а потом все же созналась, что костюм взят из Большого театра. Можно с такими людьми работать?

Ваше предложение, многоуважаемый Василий Георгиевич, подчинить музей Федора Ивановича Шалыпина всецело Министерству культуры, безусловно, самое почетное, но тут дело в специализации, а не в почете. Не думайте, что я хочу командовать и приказывать, я простой обыватель и случайно являюсь живым свидетелем жизни Федора Ивановича и Иолы Игнатьевны, то есть моей семьи в этом доме; и я думаю, что в этом смысле я более ценный работник по этому вопросу, чем госпожа Савченко.

Я передаю только свое мнение и считаю Музей Бахрушина единственным учреждением, которое заслуживает эту должность: он уже много лет назад собирал материалы о Федоре Ивановиче Шалыпине и собрал не только большую коллекцию его портретов и фотографий, но еще и большой материал в его закаталогизированном архиве. А что имеет «Глинка»? То, что привез я? Я привез эти реликвии не для них, как они на это претендуют...

Что бы ни случилось — а я надеюсь, что мой конфликт с воровством фильма уладится, — я с музеем им. Глинки сотрудничать не буду ни при каких обстоятельствах, ибо считаю их недостойными заниматься делами моей семьи...

Мое отсутствие на открытии музея не было вызвано тем, что я был занят на работе, а как протест против кражи фильма...».

— Это документальный

фильм о Шалыпине, — пояснила Фадеева, оторвавшись от письма, и продолжила:

«А самое оскорбительное для меня то, что прошел год, и никто, кому я писал, мне помощь в этом деле не оказали. От отчаяния я написал Раисе Максимовне Горбачевой, и она, конечно, мне ответила и обещала рассмотреть дело. Вот я и жду...

Страна проходит через эпоху великих реформ, и перестройка должна коснуться и дома Шалыпина...

Невозможно не отметить замечательную работу по реставрации дома архитектором Духаниной... «Как солнца луч среди ненастья!» Будем надеяться, что все уладится во имя справедливости, и я смогу позвать Вашу руку в Москве.

Уважающий Вас Федор Ф. Шалыпин 8 ноября 1988 г. Рим».

СЕРАФИМА ВАСИЛЬЕВНА откинулась на спинку скамейки и закрыла глаза. Помолчав с минуту, продолжила:

— Бедная Ирина Федоровна! Сколько лет она билась за идею создания музея, и все напрасно... Как видите, и больше чины из правительства не проявили особого желания помочь делу. Поистине Россия погрязла во лжи и плутовстве...

Стоял июньский солнечный день. Кругом буйствовали зелень, цветы. Жара гнала людей к воде, пляжам, на дачи. Сидеть в городе в такую погоду было невозможно, тем более мотаться по каким-то квартирам, выяснять у людей их отношение к запутанной, грязной истории. Слушал я Серафиму Васильевну и про себя уже досадовал, что позвонил ей. Для опытного следователя задача не из легких — распутать весь этот клубок, а куда советаться мне с моим наивным мирозерцанием — верой в порядочность, совестливость, благодушие.

— Где же искать концы? — спросил я Фадееву, ища поддержки духа.

— Вероятно, следовало бы для начала побеседовать с каждым из свидетелей этой истории, — ответила она. — С Поповым, Маловым, Дальской, Пашковым...

Условились, что первой займемся Дальской.

— Разговаривать с ней нужно осторожно, — предупредила Фадеева. — Чуть что заподозрит — сразу же поднимет на ноги всю компанию. Мы иногда с ней перезваниваемся, совсем недавно говорили — приглашала в гости. Вот и придем вместе. Скажу, что вы водитель, согласились меня подвезти. Я уже однажды так к ней приходила. Поверила. Да и на самом деле передвигаться-то мне трудно с палочкой.

Уже на другой вечер Дальская назначила встречу. И вот мы у метро «Кировская». От него до нужного нам дома минут пять ходьбы. По дороге Серафима Васильевна говорит:

— Не обращайтесь внимание на обстановку в квартире. У Дальской уйма кошек — сами понимаете: волосы, запах...

— Потерплю.

— Я захватила с собой бутылочку, она любительница застолий. Думаю, что разговорится.

Через арку входим во двор. Ни души. Открываем дверь углового подъезда и по крутой узкой лестнице поднимаемся на четвертый этаж. Серафима Васильевна нажимает на кнопку звонка. Щелкает замок, и на пороге появляется миловидная девушка.

— Простите, Ирина Александровна дома? — спросила Фадеева.

— Дома, дома... — раздался за спиной девушки хриплый голос, и на лестничную площадку вышла низенького роста женщина в изрядно поношенном платье, с взлохмаченными волосами — то ли фиолетового, то ли синего цвета. — Проходите.

Я осмотрел небольшую комнату. Книжный шкаф, два столика, гардероб, кровать, накрытая засаленным покрывалом, действительно уйма мяукающих кошек. На стенах — несколько картин, фотографии в рамочках. Хотел было сесть на стул, но одна из его ножек отлетела, и я чуть не упал. А кошачьих волос кругом!

— Понимаю вас, — сконфузилась Серафима Васильевна, прочтя ужас в моих глазах, — я предупреждала... Но ничего, посидите вот тут в сторонке, я уж сама составлю ей компанию, хотя и мерзко притрагиваться ко всему.

В комнату вошла Дальская. В руках ее шипела сковородка.

— Где будем есть? — посмотрела она на Фадееву и сама же предложила: — Давайте вот здесь, у окна.

— Мне разницы нет, — ответила Серафима Васильевна и принялась отпихивать на край столика грязную посуду, чтобы освободить место для сковородки. Они выпили. Дальская, блаженно нюхнув воздух, взялась за рыбу. Тут же на ее коленях появились сразу две кошки. Хозяйка сушила им кусок камбалы. Кошки зафыркали и с жадностью вплепались в рыбу.

— Ирина Александровна! — обратилась к ней Фадеева. — Я вот рассказывала товарищу, что вы хорошо знали семью Шалыпиных.

— Ну как же! — всплеснула руками. — Я ведь крестница Федора Ивановича, он и дал мне самое любимое им имя — Ирина. У Рахманинова, кстати, тоже это имя было любимое. Ну и, конечно, дружили с Иолой Игнатьевной, Ириной Федоровной.

Серафима Васильевна при этих словах поперхнулась, и я вспомнил, как она говорила мне: «Ирина Федоровна просто не могла терпеть Дальскую, не знала, как от нее отделаться. Да и на счет «крестницы» много сомнений...»

— Не раз бывала и в доме на Новинском, — продолжила после небольшой паузы хозяйка. — Сначала Шалыпиных «уплотнили», отведя им две маленькие комнатки, а потом, кажись, в двадцать восьмом году вовсе выселили.

— А вещи: мебель, знаменитый шалыпинский бильярд, люстры... Все в доме осталось? — спросила Фадеева.